

Шульга П. И.

Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-1

Курганный могильник Чесноково-1 расположен в 6,5 км к ЮЗ от с. Куйбышево Краснощековского района на правобережной террасе реки Чарыш (рис. 2). В 1996 г. в ходе аварийных работ на территории песчаного карьера выявлены остатки поселения эпохи бронзы, исследовано андроновское погребение в каменном ящике, два захоронения ирменской культуры и одно — раннескифское, получившее порядковый номер 2 (Шульга, Казаков и др., 1997; Кирюшин, Шульга, 1996).

К началу работ надмогильное сооружение раннескифского кургана 2 было полностью разрушено бульдозером и большей частью осыпалось в карьер. Конструкция сооружения не устанавливается. Можно лишь отметить, что оно было диаметром менее 8 м и включало в себя рваные камни размерами не более 30x15x15 см. Могильная яма на уровне материка имела длину около 320 см, ширину 180 см, глубину 280 см (304 см от древнего уровня почвы, перекрытой камнями насыпи), ориентирована длинными сторонами по линии ЮЗ-СВ (рис. 3; 4). Могила не граблена. Это установлено двумя разрезами, выявившими непотревоженность прослоек в ее заполнении (рис. 3,3). В северо-восточной части могилы на глубине 30-45 см от уровня погребенной почвы найдено два черепа мелкого рогатого скота, установленных на основании. Один из них, с обломанной в древности верхней челюстью, был повернут лицевой частью на ЮЗ, второй — на СВ. Между черепами м.р.с. и несколько западнее найдены ребра и кости крупных копытных животных. Метром ниже обнаружен костяк женщины (№ 1) 30-35 лет¹, уложенной на живот, скорченно с подогнутыми влево ногами, головой на СЗ (рис. 3,2). Ее правая рука была подвернута под тело. Череп лежал левым виском на камне, в 10 см от позвоночника. На месте нижней челюсти находился небольшой круглодонный сосуд высотой 11,5 см, диаметром по венчику 10,5 см (рис. 3,1). Отсутствующая нижняя челюсть найдена в 25 см южнее на том же уровне. Зубы на ней были утрачены еще при жизни и к моменту смерти зубные лунки заросли. Умершая была обложена продолговатыми камнями и засыпана сильно гумусированным песком. Прослойка такого же песка отмечена и под скелетом. На 20 см ниже обнаружен костяк второй женщины (№ 2), уложенной также на живот в обкладке из крупных камней (рис. 3,2). Кости рук и часть ребер были растащены грызунами. На позвоночнике лежали фаланги пальцев, лучевая кость — на черепе. Можно предположить, что руки при погребении были заведены за спину. Кости ног отсутствовали, так как из-за разрушений могилы они уже осыпались

в карьер. Голова женщины при погребении была завернута назад (шейные позвонки также изогнуты под прямым углом к позвоночному столбу). Ориентация умершей на СВ. Снизу, с боков и сверху она также засыпалась сильно гумусированным песком. Над костяками обеих женщин находился слой каменной забутовки мощностью 60-80 см (рис. 3,3). Под сопроводительными погребениями камней почти не встречалось, а яма была заполнена слабогумусированным песком с прослойками углей (рис. 3,3).

Основное захоронение мужчины крепкого телосложения совершено на нескольких слоях бересты, оставившей прослойку тлена толщиной 0,5-2,5 см. От дна первоначально выкопанной могилы береста отделялась слоем слабогумусированного песка (рис. 3,3). На 45-55 см выше слоя бересты по краям могилы прослежены остатки сгоревшего поперечного перекрытия из прутьев, диаметром 15-18 мм (рис. 3,3; 4,23). Судя по нескольким обгоревшим фрагментам, это были неошкуренные прутья тальника. Путья укладывались под продольную жердочку диаметром 3-4 см с интервалом 4 см. Ниже обнаружены остатки от второй продольной жердочки. Таким образом, поперечные прутья зажимались между двумя продольными жердочками. Ниже этого перекрытия фиксировался второй ряд обгоревших поперечных прутьев, а ближе к юго-восточной стенке — остатки обгоревшей плахи. Способ крепления прутьев в стенках ямы не устанавливается. При просадке погребения обгоревшие кусочки нижнего перекрытия опустились до уровня костей человека. Сверху на перекрытии — несколько десятков плоских (обычно удлиненных) галек размерами около 12x4x1,5 см и камни (рис. 3,3). Как и в женских подхоронениях, края могилы на дне были обложены удлиненными рваными камнями. Все кости, за исключением берцовых, стопы и фаланги пальцев правой ноги, были смещены. Произошло это в древности, очевидно, в результате деятельности грызунов (сурков?), от которых в стенках могилы остались гумусированные пятна нор 25-30 см в диаметре. Перекрытие в это время еще не просело и части тела с неразложившимися связками (тазовая и бедренная кости левой ноги, фаланги левой ноги и др.) были растащены по дну могилы.

Умерший укладывался на спину вытянуто, головой на СВ. В районе пояса и под черепом найдено пять костяных наконечников стрел (рис. 4,14-18; 6,1-5). За исключением одного (рис. 6,3), наконечники имеют характерные раннескифские черты, с переходом к острию в верхней трети, их длина 4-4,7 см¹.

¹ В кн. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина Скифская эпоха ... 1997 помещены неверные прорисовки одного из наконечников (рис. 64,9) и двухжелобчатой обоймы (рис. 56,7). Некоторые из описываемых ниже вещей ошибочно отнесены к работе Н.Л. Членовой. 1995 (Кирюшин, Тишкин, 1997, с 221, рис. 56,5,7).

¹ Все антропологические определения выполнены С.С. Тур

В области груди находились бронзовая и костяная застежки в виде схематически оформленных головок хищной птицы, длиной 49 мм и 72 мм, с диаметром отверстий 6 мм и 7-8 мм (рис. 4,12,13; 7,9,10). Недалеко лежала также перемещенная бронзовая двухжелобчатая обоймочка (рис. 4,19; 7,8). В районе колен расчищено изделие из листов бересты (дно колчана?), скрепленных бронзовыми трубочками, использовавшихся как заклепки (рис. 4,20; 5). Рядом найдено три кольца-пронизки и обойма, находившиеся, по-видимому, на одном ремне (рис. 4,1,2; 7,11-14), и еще одна пронизка с хорошо выраженным ребром (рис. 7,15).

К юго-востоку от умершего на двадцатисантиметровой приступке имелся тлен от шкур двух лошадей (рис. 4). Берестяной подстилки здесь не было. Под шкурой № 1 (северо-восточная) обнаружено 3 копытных кости (одна смещена), под шкурой № 2 — 4 копытных кости. В шкуре № 2 остались две подпружные пряжки с участками закрепленной окислами шерсти (рис. 4,3,4; 7,1,2). На шкуре № 1 находилась маленькая бронзовая пряжка длиной 30 мм — уздечный блок (рис. 4,5; 7,5), а немного севернее — две костяные подвески-застежки длиной до 52 см с наименьшим диаметром боковых отверстий 5 мм, изготовленные из отростков рога, бронзовая ворворка и сильно истлевшие обломки рогового трехдырчатого псаля (рис. 4,6-10; 7,6,7,4,16). Несколько выше, под прутьями перекрытия, найдена перемещенная набобная бляха с остатками ремня на стойке (рис. 4,11; 7,3).

Характеристика инвентаря и его датировка

Подпружные пряжки типичны для раннескифского времени, но имеют одну особенность — обе без шпенька. Они, несомненно, изготавливались и использовались такими намеренно. Это доказывается наличием остатков ремней в рамках и ремня шириной 24 мм в приемной петле одной из пряжек (рис. 7,1,2). Их размеры полностью совпадают, что характерно для раннескифских пряжек, изготавливавшихся, как правило, комплектами, в которые входили удила, псалии, украшения и другая металлическая фурнитура, объединенными общностью форм и художественного оформления. Очевидно, здесь предполагался несколько иной способ фиксации подпружного ремня.

Уздечный блок имеет много названий: "пряжка", "узденная пряжка", "чумбурный блок" (Кубарев, 1992, с. 35; и др.), "блок от чумбура" (Могильников, 1994, с. 64), "узденный блок" (Суразаков, 1988, с. 35). Наиболее верным с точки зрения расположения рассматриваемой детали конского убора представляется определение "блок узденного повода" (Руденко, 1953, с. 154; Он же, 1960, с. 358), если иметь в

виду способ применения этих пряжек во Втором и Третьем Пазырыкских курганах (Руденко, 1953, с. 70), где они крепились на конце повода и обеспечивали скольжение последнего по чумбуру (рис. 8,2)¹. Во Втором Башадарском кургане их применяли парами для поддержания чумбура и повода, пришивая к перекрестью суголовных ремней и ремня переносья (Руденко, 1960, 81). К.Ф.Смирнов, ссылаясь на раннюю работу СИ. Руденко (Руденко, 1948, с. 14), предполагал их использование как застежек подбородочных ремней (Смирнов, 1961, с. 88). Для Алтая это не нашло подтверждения, но у скифов подобные пряжки могли служить застежками подбородочных ремней (Ильинская, 1973, рис. 3,3, рис. 6,3). Поэтому с учетом возможной полифункциональности данной детали в Чесноково-1 следует принять нейтральное определение В раннескифских комплексах VII -нач. VI вв. до н.э. на Алтае узденные блоки почти не встречаются, за исключением узденного блока из Кор-Кобы (Суразаков, 1990, с. 66, рис. 9,7) и пряжки (?) с обломанной рамкой из могильника Бойтыгем (Абдулганеев, 1994, рис. 1,7). В предгорьях к ним можно отнести "подпружную пряжку" из Быстрянского могильника (Завитухина, 1966, с. 62, рис. 2,26). Подобные чесноковскому блоку распространяются позже: семь экземпляров известно в курганах VI в. до н.э.: Втором Башадарском, Втором Туэктинском и в курганах у с. Туэкта (Руденко, 1960, с. 81,89, табл. СХИ, 4; Киселев, 1951 табл. XXVIII, 2,3), а один в раннем кургане у с. Катанда (Мамадаков, 1995, рис. 2,5). Этим же временем можно датировать блоки из Тувы (Маннай-Оол, 1970, рис. 17,6, рис. 18,7) и Южного Приуралья (Смирнов, 1961, рис. 44,5, рис. 55,4). К узденным блокам относятся, по-видимому, аналогичные мечетсайской малые пряжки из могильников Бесоба, Сынтас (Кадырбаев, Курманкулов, 1976, рис. 6,1,2; Кадырбаев, 1984, рис. 1,7) и некоторых других, датируемых второй половиной VI - нач. V вв. до н.э. (Гаврилюк, Таиров, 1993, с. 65-66).

Подвески-застежки ("амулеты") (рис.7, 6, 7). Подобные изделия встречаются с VI в. в конской упряжи и в одежде как застежка или амулет умершего в Горном Алтае и Туве (Могильников, Елин, 1982, рис. 1,13, рис. 2,2; Он же, 1983, рис. 4,5; Савинов, 1980, рис. 4,3; Грач, 1980, рис. 61,2; Степная полоса ... 1992, табл. 77, 52, 63; и др.), лесостепном Алтае и в предгорьях (Могильников, Уманский, 1981, рис. 2,8; Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 8,4). Они подразделяются на подвески, боковое отверстие которых выходит на вогнутую часть клыка или рога (традиция сверления клыков кабана) и в виде ноги копытного животного с выходом бокового отверстия на выгнутую сторону изделия. Намеренность последней формы хорошо иллюстрируется

¹ в работах В.Д. Кубарева (Кубарев, 1992, с. 36) и О.А. Вишневской (Вишневская, 1973, с. 106) ошибочно дается обратное толкование: "узденный блок".

подвесками из могильника Урбюн-III в Туве (Савинов, 1980, рис. 4,1,3, с. 116). В упряжи они могли использоваться в качестве застежек, так же как и их производные — костяные трубочки с кососрезанным основанием (рис. 8,2). На форме последней, видимо, сказались и конические ворворки малого диаметра, типа найденной в Чесноково-1 (рис. 7,4). Применялись они аналогично клямкам-застежкам (Могильников, 1983, рис. 6,6; Кубарев, 1987, табл. XII, 8; Полосьмак, 1994, рис. 79,1), продеваясь, как и в раннескифское время, в разрез на конце правого (длинного) подбородного ремня (рис. 8,1,2; Руденко, 1953, с. 154). Преимущество поздних застежек от вышерассмотренных подтверждается их первоначальным использованием в упряжи лошади (см.: Руденко, 1953, рис.97, табл. XLVIII, 5, табл. L, 1,2, табл. LX, 4; и др.) и сохранением копытовидной формы (Руденко, 1953, с. 394). Затем они трансформируются в ложечковидные застежки одежды (Кубарев, 1987, табл. XLVI, 11; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис.30; Кузьмин, 1988, рис. 13, 22-32; и др.).

Изделия, определяемые нами как **застежки** (рис. 7,9,10), судя по остаткам конского волоса на бронзовом предмете, относились к упряжи. Хорошо датируемых ранних аналогий им нет, если не считать "обломка какого-то изделия" из Котанемеля (Кадырбаев, 1975, рис. 1). Застежки интересны тем, что, вероятно, демонстрируют один из этапов образования крючка-застежки (см.: Завитухина, 1961, рис. 6,1,2; Троицкая, Бородавский, 1994, табл. XXII, 10,14).

Двухжелобчатая обоймочка (рис. 7,8) близка найденным в могильниках VII -нач. VI вв. до н.э. Бойтыгем и Элекмонар-2 (Абдулганеев, 1994, рис. 4,6; Степанова, 1996, рис. 7, IV).

Кольца-пронизки относятся к типу малых уздечных (рис. 7,11-13,15). Два из них (рис. 7,12,13) не имеют ребра. Такие кольца в VII - нач. VI вв. до н.э. изготавливались для украшения и фиксации свернутых в трубочку ремней конской упряжи, как это установлено в кургане 1 могильника Машенка-1 и по другим материалам. Обнаружение в Чесноково-1 на одном ремешке трех различных по диаметру и оформлению пронизок указывает на их позднюю комплектацию из различных наборов упряжи и использование для украшения портупеи. Анализ известных случаев находок колец-пронизок в Южном Приуралье, Казахстане, Алтае и Туве позволяет датировать их не ранее второй трети - середины VII в. до н.э. В конце VII в. до н.э. кольца-пронизки настолько широко входят в употребление, что эту форму приобретают и окончания У-образных псалиев. Их литье прекращается в первой половине VI вв. до н.э. Последние богатые наборы раннескифской

упряжи с уздечными (малыми) и нагрудными (большими) кольцами-пронизками в комплекте с У-образными псалиями и подвесками в виде сакских орлов (Шульга, 1997, табл.) найдены в могильниках Машенка-1, Алдыбель-1 (Грач, 1980, рис. 83,1; Шульга, 1996) и на Караколе. По последнему комплекту имеется радиоуглеродная дата — около 570 г. до н.э. (Кубарев, 1997, с. 10). Уже в середине VI в. до н.э. кольца-пронизки встречаются редко, поштучно, как украшения упряжи и ремешков портупеи (Киселев, 1951, табл. XXVIII, 5,Ю; Савинов, 1980, рис. 3,17,19, с. 116; и др.). С этого времени от Поволжья и Южного Урала до Тувы ремешки упряжи украшаются полукруглыми бронзовыми пронизками (см.: Смирнов, 1961, с. 90, рис. 44,3, рис.51, 5, рис. 52,2,3; Пшеничнюк, 1983, табл. XXXIII, 6,7; Кулемзин, 1979, рис. 45,12; Грач, 1980, рис. 112,3; Чугунов, 1996, рис. 4,3; Киреев, 1992, рис. 2,4; Полосьмак, 1990, рис. 6,3), уплощенными с одной стороны и приспособленными под плоский ремень. Большое количество полукруглых пронизок обнаружено в относительно ранних погребениях староалейской культуры в лесостепном Алтае (Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 8,5; Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 12,26, рис. 13,13,16, рис. 15,8, рис. 16,7). При этом с одной стороны они иногда разомкнуты или представляют собой скобки (Руденко, 1960, рис. 49, а,б), что указывает на утрату традиции литья цельных колец.

Костяные наконечники стрел (рис. 6) имеют характерные особенности, позволяющие отнести их к VII - нач. VI вв. до н.э. (Шульга, Казаков и др., 1997, с. 127-128).

Итак, часть вещей из основного погребения относится к раннескифской эпохе или ее завершающему этапу (трехдырчатый псалий, подпружные пряжки, налобная бляха, ворворка, двухжелобчатая обоймочка, кольца-пронизки). Другие изделия более характерны для памятников VI - на. V в. до н.э. (подвески-застежки, уздечный блок, возможно, застежки в виде головок хищной птицы). На этом основании погребение можно датировать началом VI в. до н.э., периодом, предшествовавшим сложению в Горном Алтае лазырыкской культуры.

Погребальный обряд и культурная принадлежность

Керамический сосуд из сопроводительного захоронения женщины № 1 пока ничего не дает для уточнения датировки кургана. Сосуд практически не имеет аналогий в поселенческой и погребальной керамике Горного Алтая. Похожие пропорции имеют лишь приземистые

Рис.1. Карта расположения могильника Солонечный Белок (1), Кондратьевка (2), Машенька -1 (3), Чесноково -1 (4), Ключи -3(5). Каракол (6) и пути проникновения ранних саков на Алтай и в Туву Во втор.полов. VII-VI вв. до н.э.

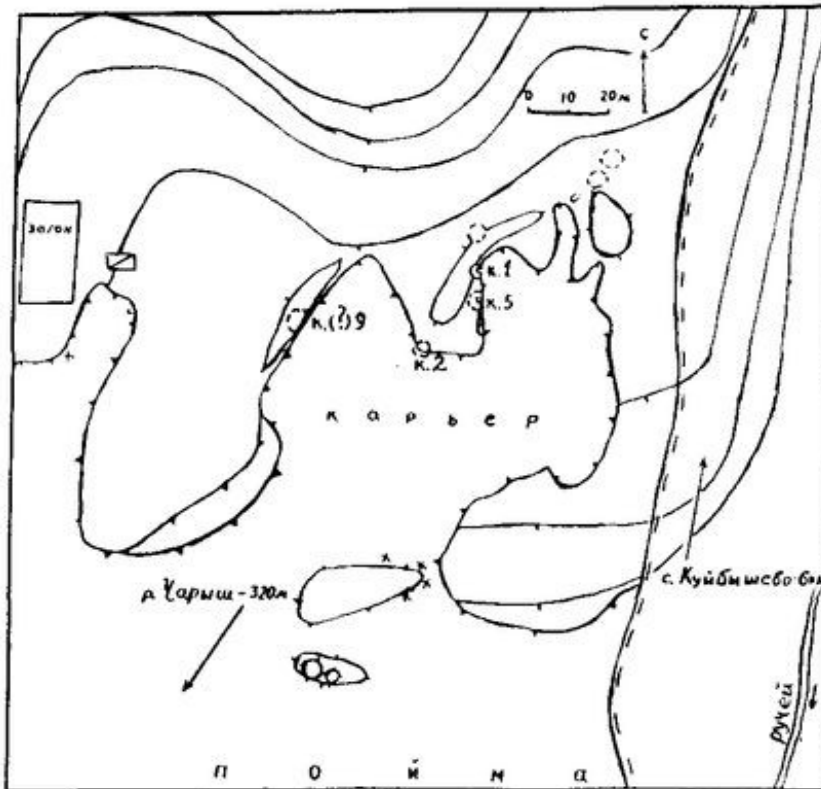

Рис.2. План могильника Чесноково - 1

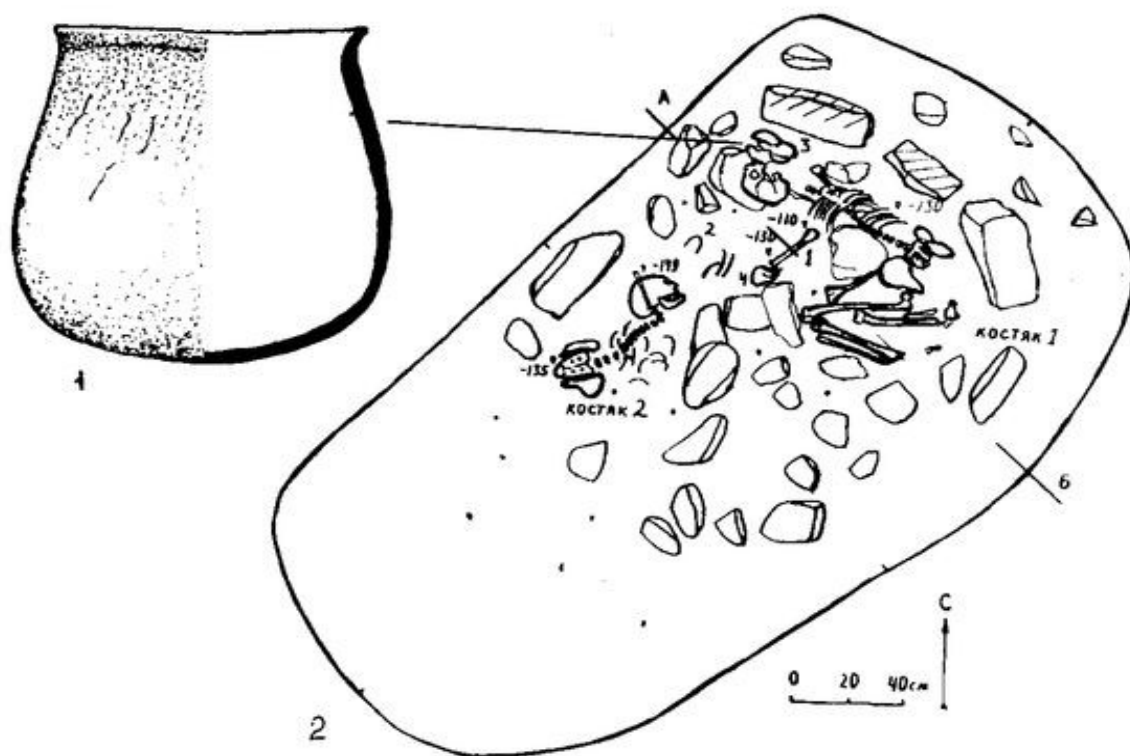

Рис.3. Могильник Чесноково -1, курган 2.
 1-сосуд у костяка №1;
 2- план сопроводительных женских подхоронений в заполнении могилы;
 3- разрез могилы

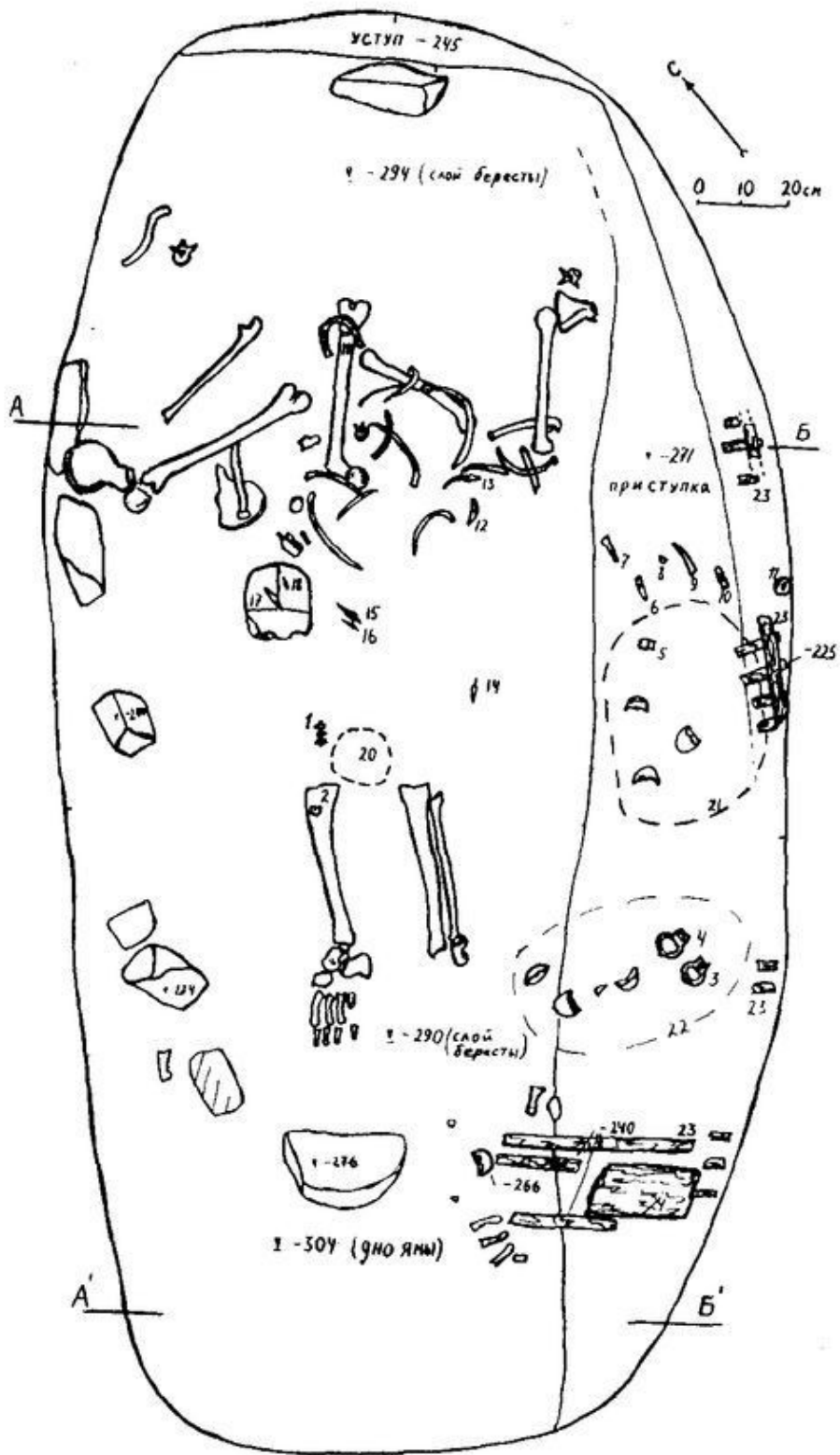

Рис. 4. Могильник Чесноково-1, курган 2.
 Основное погребение мужчины со шкурами двух лошадей.

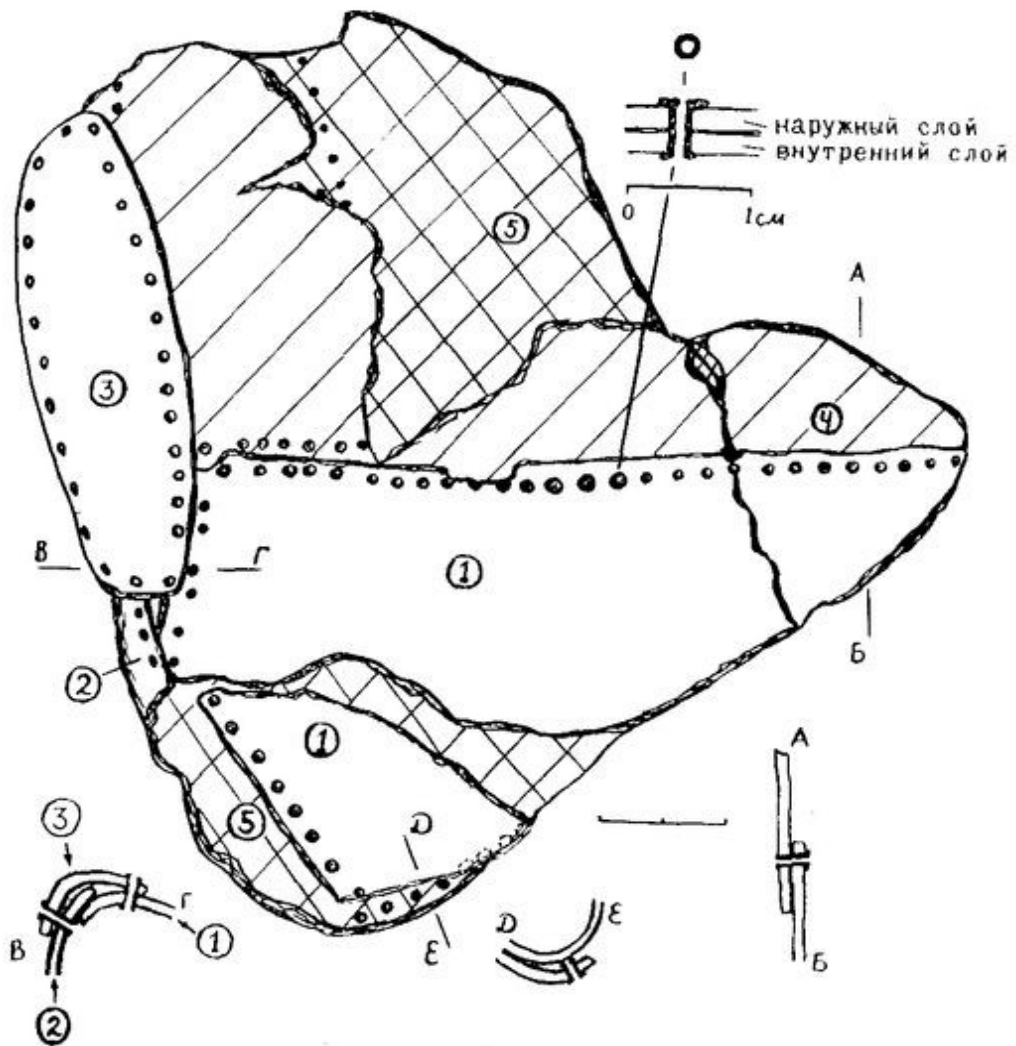

Рис.5. Основное погребение. Остатки берестяного изделия (колчана?).

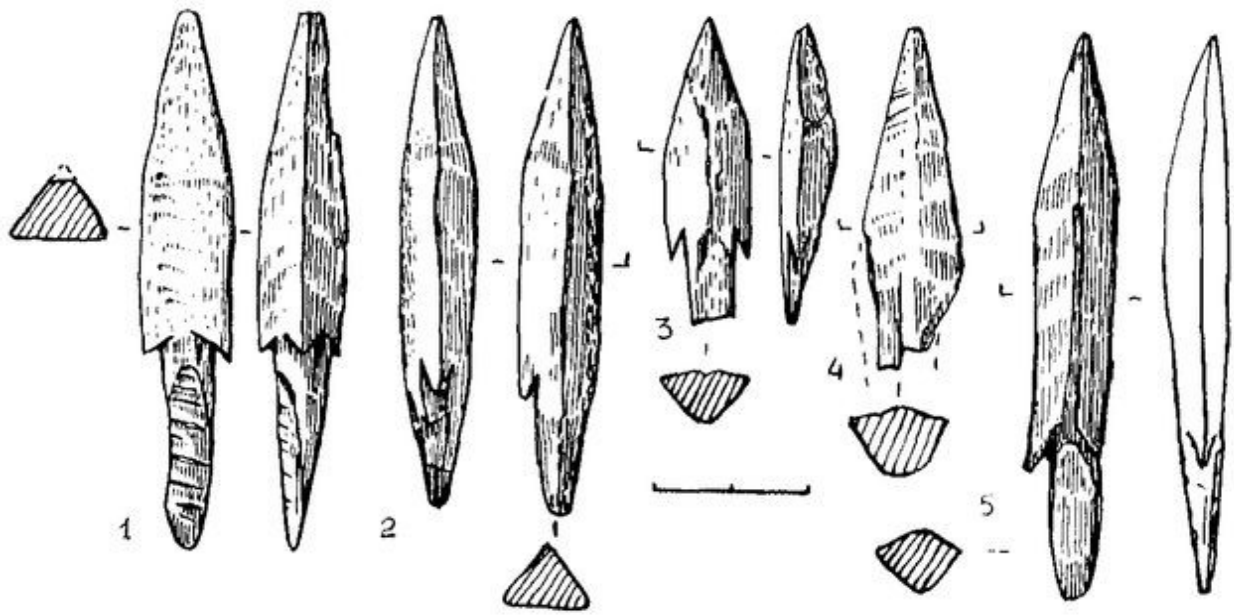

Рис.6. Основное погребение. Костяные наконечники стрел.

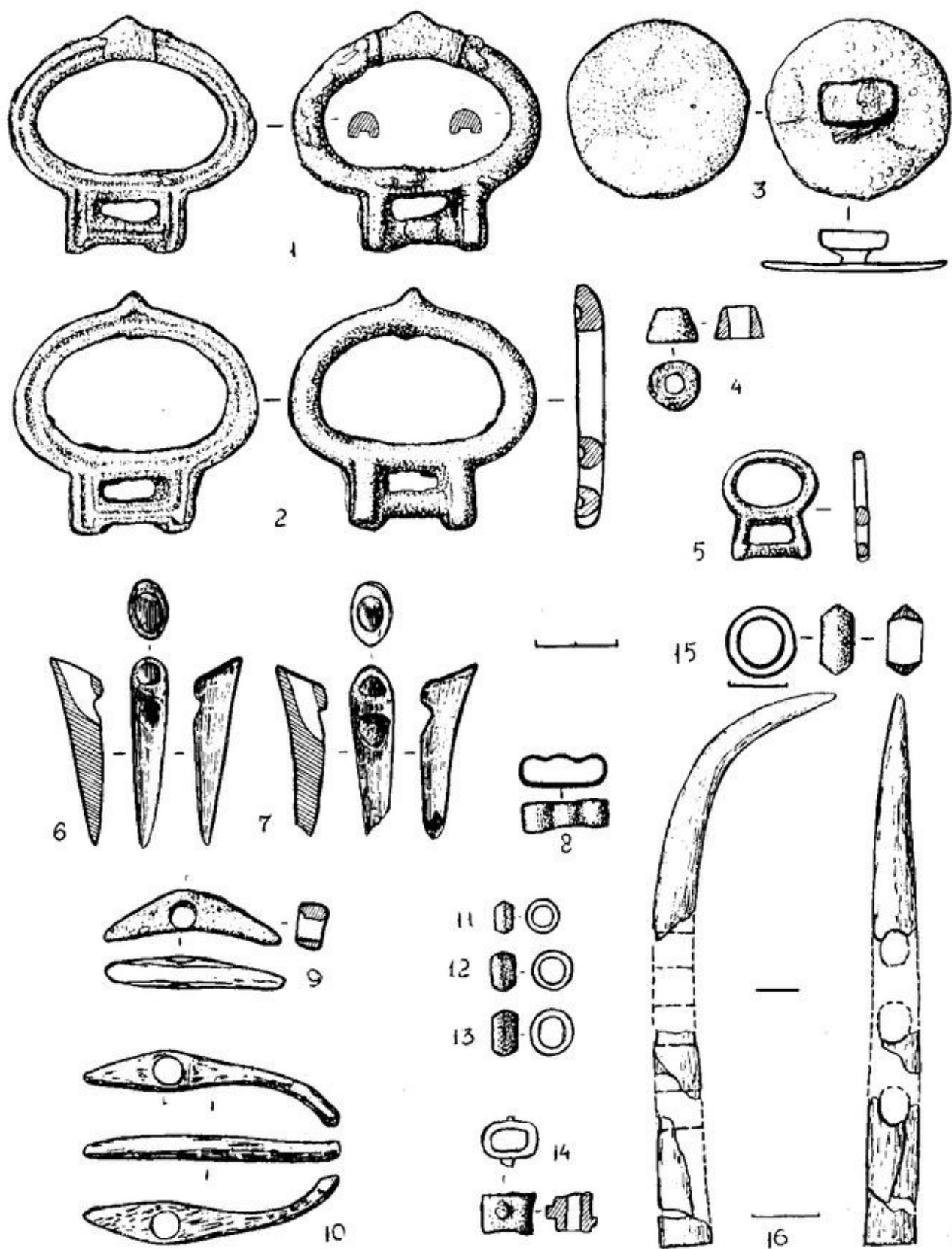
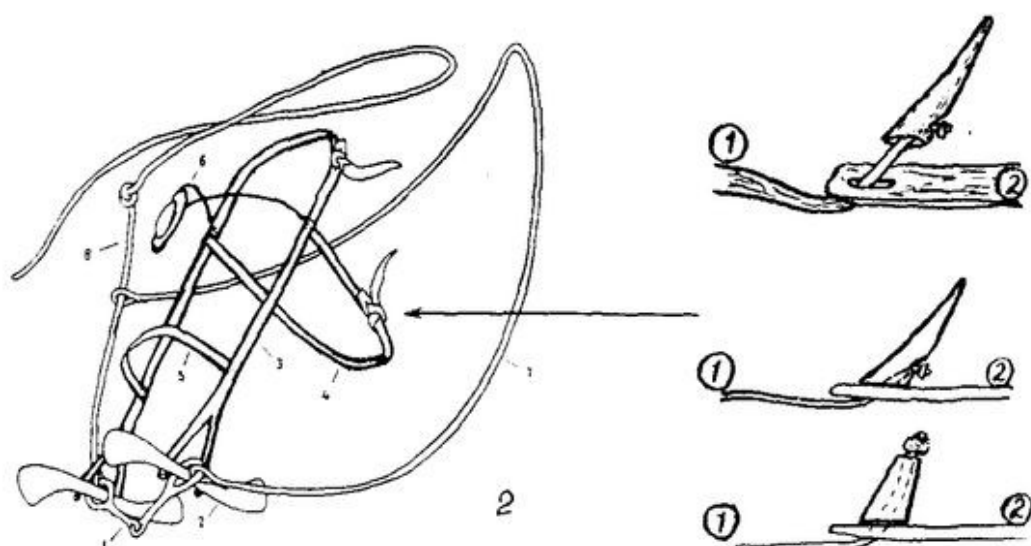
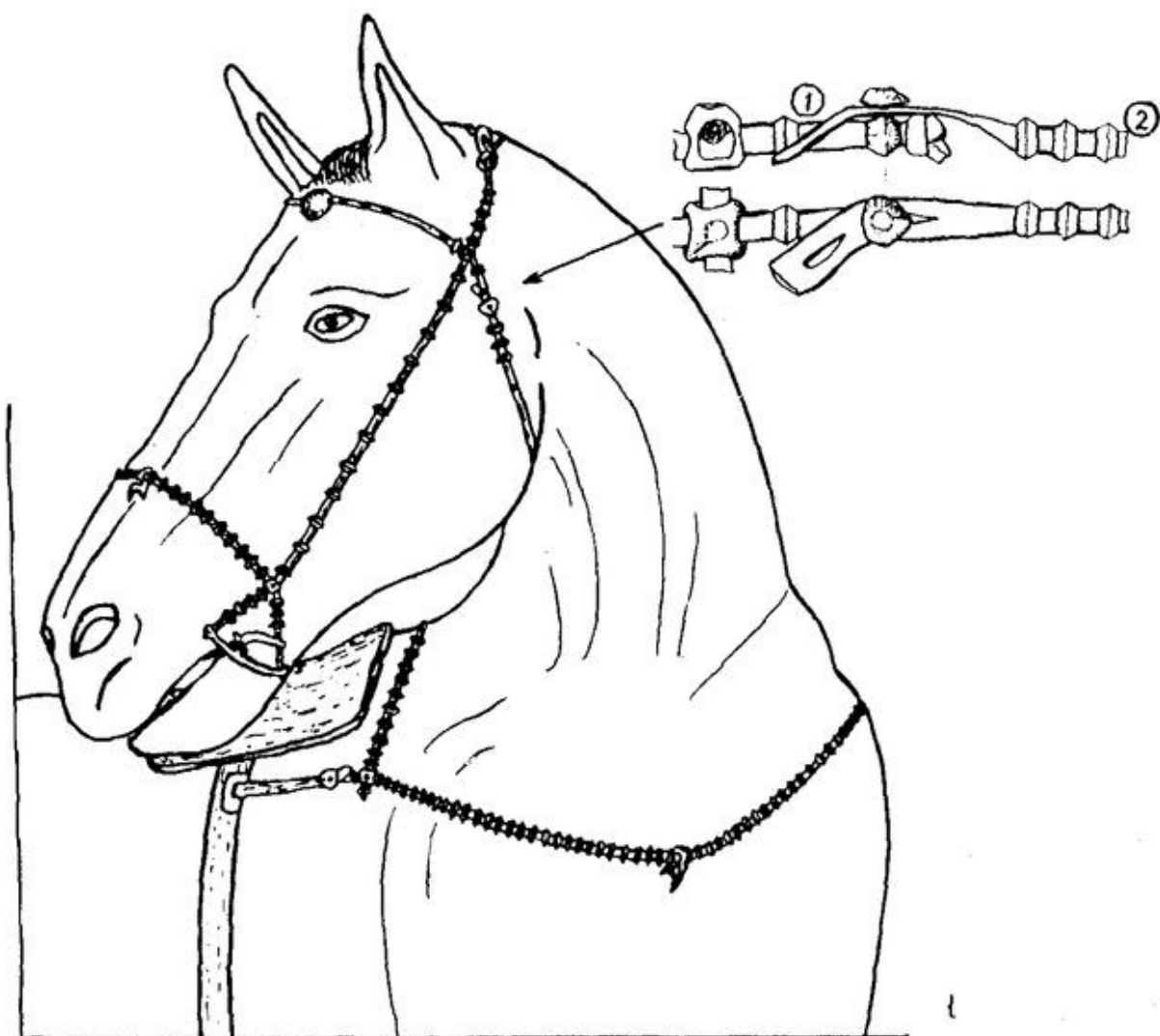

Рис.7.

Детали упряжи и инвентарь из основного погребения: подпружные пряжки (1,2), налобная бляха (3), ворворка для скрепления на затылке суголовных ремней (4), уздечный блок (5), подвески - застёжки (6,7), двухжелобчатая обойма (8), застёжки (9, 10), кольца-пронизки (11-13,15), обойма (14), псалий (16).
 Бронза - 1-5, 8,9, 11-15, пор - 6,7,10,16.

- ① – левый короткий подбородный ремень
 ② – правый длинный подбородный ремень

Рис.8.

Реконструкция узды и нагрудника из кургана 1 могильника Машенка -1 (1), Пазырыкская узда (по М.П. Грязнову, 1950) и вероятный способ соединения подбородных ремней с помощью подвесок-застежек с косо срезанным основанием (2).

круглодонные деревянные сосуды (Руденко, 1953, табл. XXI, 2; Кубарев, 1992, рис. 16,1, табл. XXII, 2; и некоторые другие). На соседних территориях сосуды близких форм встречаются редко (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XL,9; Могильников, 1994, рис. 28,2), за исключением, быть может, лесостепного Алтая (Грязное, 1956, табл. X1У,7; табл. XIX, 26,30, табл. XXIX, 7). Подобные формы распространены к югу от Алтая вплоть до Памира. Преобладают относительно поздние комплексы, но часть из них может быть отнесена к VII-VI вв. до н.э. (Акишев, Кушаев, 1963, табл. XI; Ташбаева, 1981, рис.2; Степная полоса ... 1992, табл.28, табл.29, табл.32, табл. 37; Бернштам, 1952, рис. 14, рис. 23, рис. 27, рис. 137; и др.).

Несомненный интерес представляет сопроводительное подхоронение двух женщин. Неестественность отмеченных поз не означает небрежность погребавших. Каменная обкладка и засыпка женщин грунтом, предотвратившим дробление костяков вышерасположенными камнями забутовки, указывают на продуманность обряда. Вполне вероятно, что скорченная поза женщины № 1, а, возможно, и № 2, объясняется не столько ее зависимым положением, сколько пережитками традиции эпохи поздней бронзы (Фролов, Шамшин, 1997, с. 124). Важно подчеркнуть антропологические различия женщин метисного (№1) и монголоидного (№ 2) типов и мужчины европеоида (см.: Тур, 1997, с. 138-139). Нахождение с одной из женщин сосуда сакоусуньского облика как будто указывает на вероятность ее происхождения из района Семиречья, а быть может Центрального Тянь-Шаня и Алая, где встречается подобный антропологический тип (Тур, 1997, с. 139). Реальность подобных перемещений подтверждается распространением из этих районов в Южную Сибирь образа сакского орла и различных изделий (Шульга, 1997). Связи населения Тянь-Шаня и Алтая в раннескифское время, осуществляемые через Семиречье, отмечал А.Н. Бернштам (Бернштам, 1952, с. 33). Подобное движение на север саков Туркестана (?) демонстрируется и антропологическим типом женщины из Машенки-1, характерным для северных китайцев (Шульга, 1997, с. 196; Тур, 1997, с. 137-138). На юго-восточное направление связей, быть может, указывает обычай подхоронивать е северо-восточной части заполнения могилы черепов мелкого рогатого скота (см.: Полосьмак, 1994, с. 143). Однако, нельзя исключить принадлежности погребенных в кургане 2 женщин к существовавшей на Алтае и Восточном Казахстане общности переходного времени, погребальный обряд которой характеризуется положением умерших в мелких ямах, скорченно, преимущественно на правом боку, головой на запад или в юго-западный сектор (Грязное, 1956, С.57-68; Полторацкая, 1961; Арсланова, 1974; Шамшин, Фролов, Медникова, 1996; см. Также погребения на

поселениях Канай и Советский Путь-1 - статья СМ. Ситникова и П.И. Шульги в данном сборнике).

Раннескифские материалы Восточного Казахстана и Алтая демонстрируют широкое проникновение сакских племен на Алтай уже в конце VII в. до н.э. (рис. 1; Шульга, 1997). Захоронение в кургане № 2, очевидно, совершенно выходцами из Казахстана, сравнительно недолго проживавшей на Алтае группой, еще не успевшей воспринять местный обычай замены шкуры лошади полной тушей.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 37-43.
2. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. 321 с.
3. Арсланова Ф.К. Погребальный комплекс VIII-VII веков до нашей эры из Восточного Казахстана // Вглубь веков. Алма-Ата, 1974, С.46-60.
4. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26. М., 1952. 346 с.
5. Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плеса 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 88-114.
6. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М., 1973. 160 с.
7. Гаврилюк А.Н., Таиров А.Д. Курганы у села Обручровка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 53-67.
8. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.-Л., 1956, №48.256 с.
9. Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев, 1973. С. 42-63.
10. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. 402 с., ил.
11. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. 359 с., ил.
12. Савинов Д.Г. Могильник Урбюн-III и некоторые вопросы археологии Тувы скифского времени // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980. С, 107-119.
13. Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. Вып. 8. 1966. С. 61-77.
14. Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. Вып. 3. 1961. С. 89-108.
15. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верхневьева р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84-93.

16. Кадырбаев М.К. Курганы Котанэмеля // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 127-132.
17. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 137-156.
18. Киреев С.М. Курганы МаймаХ!Х // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. Барнаул, 1992. С. 39-50.
19. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 115-134.
20. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в ранне-скифское время. Барнаул, 1997. 232 с, ил.
21. Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на р. Чарыш // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 1996. С. 33-38.
22. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 42 с
23. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
24. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 232 с.
25. Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на реке Каракоп // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. археология и этнография. 1997. №3. Новосибирск. С. 6-10.
26. Кузьмин Н.Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л., 1988. С. 55-82.
27. Кулемзин А.М. Арчекаские курганы // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 87-99.
28. Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда 3 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия. Барнаул 1995. С. 125-131.
29. Маннай-Оол М.Х. Тува в скифское время. М., 1970. 118 с.
30. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII — памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 3-39.
31. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине второй половины I тысячелетия до н.э. М., 1994. 195 с.
32. Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура 1 // КСИА. № 170. М., 1982. С. 103-109.
33. Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы раннего железного века на Чумыше // КСИА. № 167. М., 1981. С. 80-86.
34. Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 101-107.
35. Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура. В кн.: Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С. 137-144.
36. Полторацкая В.Н. Могильник Березовка 1// АСГЭ. Л., 1961. Вып.3. С.74-88.
37. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. 200 с.
38. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. № 101. М., 1961. 98 с. и ил.
39. Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 54-69.
40. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992, 493 с.
41. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 216 с.
42. Суразаков А.С. Раскопки памятников Курота II и Кор-Кобы I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 56-96.
43. Ташбаева К.И. Раннекочевнический могильник Джаргата//КСИА. № 167. М., 1981. С. 91-94.
44. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.
45. Тур С.С. Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая. В кн.: Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. С. 136-148.
46. Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Погребения людей в скорченном положении из могильников раннего железного века Барнаульского Приобья // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 123-125.
47. Худяков Ю.С., Скобелев С.Т., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 95-150.
48. Членова Н.Л. Алтайские бронзы раннескифской эпохи из собрания ГИМ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч 2. Барнаул, 1995. С. 91-96.
49. Чугунов К.В. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 69-80.
50. Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник //Погребальный обряд древних Алтая. Барнаул, 1996, С.69-88.
51. Шульга П.И. О сакском влиянии на Алтай в раннескифское время // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997. С. 193-196.
52. Шульга П.И. Об эволюции раннекочевнической узды VII-VI вв. до н.э. // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. С. 261-264.

53. Шульга П.И., Казаков А.А., Ведянин С.Д., Семибратов В.П., Ситников С.М. Аварийные работы на р. Чарыш // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С 124-128.